

Март. В воздухе ещё витала лёгкая прохлада, та особенная, предвесенняя зыбкость, когда небо кажется невесомым, а ветер ещё не утратил своей колючей остроты.

В гримёрной комнате телеканала "Звёздное Небо" царила та деловитая суета, которая неизменно сопровождает любой эфир. Сотрудники сновали туда-сюда – занятые, но без хаоса: каждый знал своё место, каждое движение было выверено до автоматизма. На лицах у всех застыли профессиональные улыбки – те самые вежливые маски, которые персонал надевает, встречая артистов, готовящихся к выходу в студию.

– Режиссёр Цзянь, – негромко окликнула женщину-режиссёра, стоявшую в дверях, гримёр, понизив голос до конфиденциального шёпота. – В группе "Небесные Мальчики" одного участника пока нет.

Цзянь Я нахмурилась, скользнув взглядом по уже готовым к съёмкам звёздам. В её памяти группа "Небесные Мальчики" значилась как дуэт, причём один из них был совершенно невыразительным.

– Кто отсутствует? – спросила она, не меняя выражения лица, и боковым зрением отметила парня, устроившегося на диване с телефоном в руках.

– Шань Я Тун, – в голосе костюмера послышалось едва скрытое раздражение. – Его напарник говорит, что он всё ещё в пути – дескать, пробки.

Цзянь Я бросила взгляд на часы.

– До начала эфира десять минут. Если не успеет – значит, не успеет.

Программы телеканала "Звёздное Небо" неизменно собирали огромные рейтинги, и для малоизвестных артистов это был настоящий трамплин – редкий шанс подняться на ступеньку выше. В мире шоу-бизнеса почти не случалось, чтобы подобное приглашение игнорировали по собственной прихоти.

Костюмер коротко кивнула и, развернувшись, принялась поправлять макияж ведущего.

Цзянь Я нахмурилась чуть сильнее.

"Шань Я Тун? Что это за артист?"

Она перебрала в памяти недавние обзоры светской хроники и смутно припомнила, что вроде бы была какая-то история о скандале с фонограммой. Вот и всё, что она о нём знала. Ни лица, ни голоса – пустота.

А вот второй участник, Юань Вэнь, был ей куда более знаком. Пресса отзывалась о нём неплохо: помимо смазливой внешности у парня обнаружились и другие достоинства. В общении с журналистами он держался гораздо увереннее своего напарника, умел находить нужные слова и создавать правильное впечатление. А без такого умения какой может быть успех в этом мире?

Она подошла к окну и взглянула вниз, на служебную дорогу телеканала, предназначенную для звёзд. Вдоль неё вереницей тянулись дорогие иномарки, из которых то и дело выходили знаменитости – ослепительные, уверенные в себе, сияющие софитами и вспышками фотокамер.

Цзянь Я смотрела на них с совершенно невозмутимым лицом, но в отражении стекла мелькнул холодный, насмешливый блеск глаз.

Какое всё это имеет значение? Что толку в этом показном великолепии? Стоит лишь раз оступиться – и ты мгновенно угасаешь, тонешь в бесчисленном море других огней, и никто уже не вспомнит твоего имени.

– Простите, не подскажете, где здесь гримёрная? – раздался за спиной мягкий, спокойный мужской голос – в нём слышалась та особая, почти весенняя теплота, которая способна растопить самую густую тень.

Цзянь Я обернулась и на мгновение замерла.

Перед ней стоял юноша с пепельно-русыми, почти соломенными волосами, небрежно, но с непостижимой лёгкостью падающими на лоб. Одежда на нём была простой, без вычурных деталей, однако от него исходила неуловимая, почти неуместная здесь элегантность – та, что не создаётся дорогими брендами, а рождается изнутри. Глаза его, цвета крепкого чая, лучились улыбкой, но улыбка эта была не навязчивой – идеально выверенной, точно он знал меру каждого своего жеста, каждой интонации. Миндалевидный разрез глаз, нежная, молочная кожа – воплощение того самого образа "цветущего юноши", который так ценится в современной индустрии. Если бы этот парень был из их круга, у него непременно было бы блестящее будущее – в этом Цзянь Я была уверена, ибо никогда не ошибалась в оценке талантов.

– Вы артист, приглашённый на запись? – спросила она, перебирая в памяти все знакомые лица. Она не помнила его – ни в одном репортаже, ни в одной заметке ей не попадалась эта необычная внешность.

– Да, здравствуйте, – юноша чуть склонил голову в вежливом поклоне, улыбка его стала чуть шире, но не потеряла той естественной лёгкости. – Я Шань Я Тун из "Небесных Мальчиков". Из-за дорожных пробок я задержался и прибыл только сейчас. Если это повлияло на ход записи, примите мои самые искренние извинения. Не могли бы Вы проводить меня в гримёрную?

"Шань Я Тун?!"

Цзянь Я пристально, изучающе всмотрелась в юношу. Этот образ никак не вязался с тем робким и неуверенным мальчишкой, который мелькал на страницах бульварной прессы. Неужели всему виной неудачный ракурс папарацци?

Взгляд её, строгий и оценивающий, скользнул по юноше с ног до головы – каждая деталь, каждый изгиб был изучен с придирчивостью профессионала. Наконец, удовлетворённая осмотром, она коротко кивнула и, развернувшись, зашагала вперёд, расправив плечи и держа спину безупречно прямо. Каблуки её чётко, с почти механической точностью выстукивали по идеально начищенному полу ровный, монотонный ритм – казалось, каждый шаг был отмерен с точностью до миллиметра.

Шань Я Тун следовал за ней, не меняя выражения вежливого, благодушного спокойствия. Он с интересом рассматривал эту женщину – около тридцати, осанка безупречна, вся её фигура дышит той особенной грацией и внутренним достоинством, которые приходят только с годами и опытом. Идеально подобранная одежда – ничего лишнего, но и ничто не выглядит дешёво или банально. Каждый шаг, каждое движение выверены, подчинены невидимому внутреннему метроному.

Гордая. Самодостаточная. Труднодоступная. Железная леди, каких в этом мире не так уж много.

Он машинально коснулся мочки уха, где поблёскивала маленькая серебряная серьга-гвоздик, и отвёл взгляд. Шоу-бизнес – всё та же вечно живая, вечно манящая арена, и это ничуть не перестало его забавлять.

Он повернул голову, рассматривая развешенные вдоль коридора картины. Одна из них привлекла его внимание: хаотичное нагромождение масляных пятен, беспорядочные цветовые всплески – нелепая, бессмысленная абстракция, в которой не угадывалось ни единой мысли, ни одной связной идеи.

– Юань Вэнь уже здесь, – бросила Цзянь Я через плечо, не оборачиваясь. Её голос был чист и отчётлив, словно нож, разрезающий воздух. – А вот ты – опоздал.

– Просту прощения, – Шань Я Тун опустил голову, и больше не пытался оправдываться пробками.

Цзянь Я обернулась и спокойно, без осуждения, посмотрела на юношу. Он стоял, низко склонив голову, и мелкие прядки волос падали на лицо, скрывая выражение его глаз, – и в этом внезапно показавшемся ей беззащитном, почти жалком облике было что-то, отчего строгие слова замерли у неё на губах, так и не родившись. Она промолчала, отвернулась и зашагала дальше.

– У тебя осталось три минуты, чтобы подготовиться.

Шань Я Тун поднял голову – в его чайных глазах не было ни тени смущения или раскаяния.

– Благодарю Вас.

Он ещё раз обернулся на картину. Забавная работа. Ведь в этом мире, в этой безумной, хаотичной индустрии, каким только краскам не находится место. Любому цвету – кроме одного. Кроме чистейшего, без единого пятнышка, белого.

В прошлой жизни он был звездой: его преследовали толпы папарацци, он был идиолом и кумиром, блистал и в кино, и на сцене, и в музыкальных клипах. Путь от второстепенной роли до самого верха был долгим и тернистым, и чего ему это стоило – знал только он один, стоя на той вершине. Но, как ни странно, он не жалел о тех днях. Они были... захватывающими. И сейчас, когда судьба подарила ему второй шанс пройти этот путь заново, он не видел в этом ничего дурного.

Он никогда и не был поклонником чистого, непорочного цвета.

В миг, когда он умер, он не испытывал ни страха, ни сожаления. Единственное, что оставляло лёгкий осадок неполноты, – это не самый изящный способ ухода. Но, с другой стороны, его смерть была громкой – а разве не в этом суть артиста? Разве не в этом его вечная миссия – быть на слуху, быть темой для разговоров и в центре событий?

С этой точки зрения, конец вышел вполне достойным.

Ему нравилось это чувство – шаг за шагом подниматься всё выше. Возможно, результат был не так уж важен. Гораздо важнее был сам процесс, та дорога, которую он выбирал и проходил. В жизни так много вещей, подаренных кем-то другим, оказываются лишь иллюзией. По-настоящему ценным становится лишь то, что ты добыл сам, до чего дошёл собственными усилиями.

Он выбрал самый яркий, самый ослепительный путь. И даже когда пришёл его час, он не пожалел об этом. И теперь, когда он оказался в этом теле, он не собирался сворачивать. Слишком пресная, слишком обычная жизнь – это ведь так скучно.

<http://bllate.org/book/18097/1735926>